

Инструментарий политолога: “воронка причинности”

Лаборатория. Так мы назвали новую рубрику. Она будет включать статьи и материалы об исследовательском инструментарии, о приемах работы и методиках, которые заслуживают использования в повседневной работе политолога. Редакция надеется, что рубрика окажется полезной как для сложившихся исследователей, так и для тех, кто только осваивает политическую науку.

“ВОРОНКА ПРИЧИННОСТИ” В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е.Ю. Мелешкина

Мелешкина Елена Юрьевна, кандидат политических наук, доцент МГИМО (У), зав. отделом политической науки ИНИОН РАН.

Один из важнейших аспектов научного познания — разработка исследовательских инструментов, в т.ч. моделей различных явлений и процессов. Какими свойствами должны обладать подобные модели? Несмотря на предельное разнообразие мнений, существующих на этот счет в общественных науках, все они укладываются в рамки континуума, расположенного между двумя “полюсами”. Первым из указанных “полюсов” выступает позиция, согласно которой модель должна быть предельно универсальной и представлять собой идеальную конструкцию, образованную путем выделения наиболее типических черт обширного круга явлений и не имеющую прямых аналогов в реальной жизни. Deskриптивный потенциал такого рода моделей не слишком велик, зато возможности их использования для построения теорий, а также в сравнительных и проч. исследованиях весьма значительны. Другая крайность — отказ от моделей, “оторванных от реальности”, и создание конструкций на основе описания отдельных случаев. Их deskриптивный потенциал, вероятно, выше, однако использование для решения более широких научных задач довольно проблематично.

Осмелимся утверждать, что выбор между двумя позициями — это выбор между универсальностью и уникальностью. Применение моделей, базирующихся на предельных обобщениях, чревато искажением объекта исследования, игнорированием его специфики и т.п. Обращение к “описательным” конструкциям по сути равнозначно отказу от попыток обобщения, типологии и сравнения: удел ученого в данном случае — лишь констатировать неповторимость объекта. И та, и другая позиция в своих крайних вариантах фактически ведут к размыванию предмета изучения и утрате исследовательским процессом какого-либо научного смысла. Искусство ученого, вероятно, состоит в адекватном сочетании двух подходов, в умении найти ту “золотую середину”, которая позволяла бы разрабатывать теории и типологизировать, сравнивать и описывать. Одним из примеров поиска “такой середины”, т.е. модели, пригодной для решения всего спектра научных задач, является “воронка причинности”.

Модель “воронки причинности” была впервые предложена исследователями Мичиганского университета в монографии “Американский избиратель” [Campbell et al. 1960], ставшей своего рода классическим образцом социально-психологического подхода к интерпретации электорального поведения. С ее помощью авторы монографии пытались объяснить механизмы формирования электорального выбора и ту роль, которую играет в этом процессе партийная идентификация.

Названная модель была предназначена для отражения послойного накопления факторов, влияющих на голосование (см. Исходная модель). В самой широкой части “классической” “воронки причинности” располагаются социально-экономические и культурные условия, порождающие социально-политические противоречия: экономическая структура, социальная дифференциация, исторические традиции. Эти условия сказываются на структуре партийной системы, прямо не влияя на голосование. На следующем уровне находятся социально-групповая лояльность (классовая, региональная и т.п.) и ценностные ориентации,

формирующиеся под воздействием социально-экономических и культурных размежеваний. Наиболее узкую часть воронки занимают факторы, непосредственно отражающиеся на голосовании, — установки (attitudes) по отношению к трем составляющим политического процесса: кандидатам, политическим курсам и групповым “выгодам” (benefits)¹. Они оказывают относительно независимое влияние на электоральный выбор, особенно в краткосрочной перспективе. Вместе с тем “воронка причинности” предполагает, что сами эти установки складываются под воздействием ценностных ориентаций и групповой лояльности.

Центральное место среди совокупности факторов, представленных в “воронке причинности”, занимает партийная идентификация. Именно она опосредует влияние групповой лояльности и ценностных ориентаций на установки. Партийная идентификация играет роль фильтра, через который пропускается информация, относящаяся к кандидатам, политическим курсам и групповым “выгодам”. Как указывают создатели модели, “отношения между партийной идентификацией и конфигурацией установок приверженцев партии предполагают, что реакция на каждую составляющую национальных политических курсов в значительной степени зависит от длительных партийных предпочтений индивида” (Campbell et al. 1960: 128). Иными словами, ощущая себя условно коммунистом, избиратель склонен верить, что коммунистическая партия (кандидат, курс) лучше защищает интересы его социальной группы, нежели другие партии. В этом случае срабатывает партийная идентификация.

Авторы “классического” варианта “воронки причинности” признавали влияние и других, “внешних” для “воронки” факторов, таких как деятельность правительства, мнения друзей, СМИ, ход избирательной кампании, конкретные политические и экономические условия. Однако при этом они отмечали, что по сравнению с партийной идентификацией воздействие подобных факторов на процесс голосования обычно не столь значимо.

Классическая модель “воронки причинности” создавалась для объяснения поведения американского избирателя. Первые же попытки использовать ее применительно к условиям других стран выявили ряд проблем, отчетливо продемонстрировавших, что она не обладает важным качеством научного инструмента — универсальностью. Мировой исследовательский опыт со всей очевидностью показал, что на поведение избирателей влияет не только партийная идентификация, более того — в некоторых случаях ее воздействие не прослеживается вовсе. На электоральном выборе сказывается множество факторов, порой равновесных. Учесть все эти факторы в рамках социально-психологической и других традиционных моделей поведения избирателей крайне сложно, так как все эти модели базируются на выделении одного главного фактора (не отрицая, правда, влияния других).

Противоречие между потребностью в интеграции различных, порой равнозначных факторов и ограниченностью “классических” исследовательских подходов обусловили появление многофакторных объяснительных моделей [подробнее см. Мелешкина 2001]. Многие современные объяснительные конструкции включают в себя совокупность равновесных или близких по воздействию факторов: социально-экономические размежевания, партийную или идеологическую идентификацию, позиции избирателей по отдельным проблемам, ретроспективную оценку деятельности инкумбента и т.д. Некоторые из этих конструкций по сути воспроизводят “воронку причинности”, которая довольно быстро “переросла” социально-психологический подход: сама ее логика позволяла использовать ее при построении не только однофакторных, но и многофакторных моделей голосования.

В частности, такую многофакторную “воронку причинности” сконструировал Э.Оппенхюйс. В качестве независимых от электорального выбора показателей он выделяет такие долгосрочные факторы, как принадлежность к социальной или религиозной группе и положение на осях “левый — правый” и “материализм — постматериализм”. Идеологические позиции избирателей рассматриваются как независимые по отношению к голосованию переменные, хотя влияние на них социальных факторов не отрицается. Указанные позиции, в свою очередь, определяют краткосрочные факторы, которые непосредственно воздействуют на электоральные предпочтения: отношение избирателей к различным проблемам и оценка деятельности правительства. Еще одним фактором, выступающим в качестве независимой переменной, является размер партии (см. рис. 1).

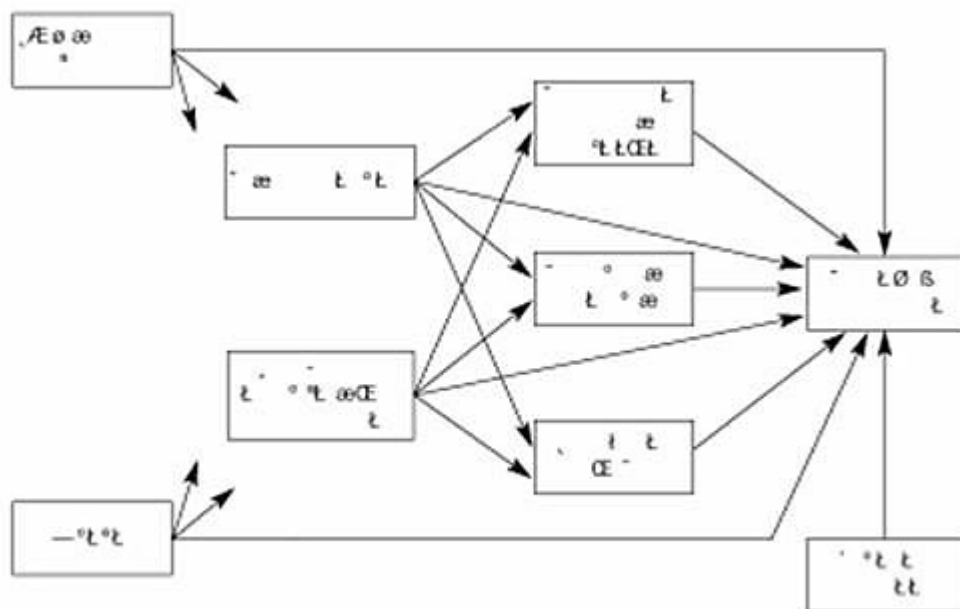

Рис. 1.

Таким образом, согласно модели Оппенхюйса, на электоральный выбор (непосредственно и опосредованно) влияют: социальные и религиозные размежевания, позиции избирателей по отдельным проблемам, оценка деятельности правительства и размер партии. По мнению создателя модели, “многофакторный анализ... ясно демонстрирует возможность интеграции различных факторов, выделенных в рамках разных теоретических традиций, в единую модель, объясняющую партийные предпочтения во всех странах Европейского сообщества... Такая интегральная модель позволяет лучше понять партийные предпочтения, так как объяснительная возможность многофакторного анализа значительно выше... [чем у] анализа с использованием одного фактора” [Oppenhuis 1995: 147].

С приведенными доводами трудно не согласиться. Оппенхюйсовская версия “воронки причинности”, пожалуй впервые за всю историю исследования электорального поведения, действительно может претендовать на универсальность: в ней в целом выдерживается логика “воронки” (сужение масштабов факторов по мере приближения к результату) и учитываются современные достижения в области электоральных исследований (многофакторность).

Вместе с тем, как нам кажется, предложенная конструкция тоже не лишена изъянов. Первый из них состоит в том, что она, как и классический вариант, имеет контекстный характер (объясняет поведение избирателей преимущественно в странах Западной Европы). Кроме того, вызывает сомнения принцип отбора используемых в модели факторов, в частности, игнорирование одних показателей (например, оценки кандидатов) и возведение в абсолют других (таких, как размер партии или положение на осях “левый — правый”, “материализм — постматериализм” [2](#)), а также последовательность их расположения при построении “воронки”.

Еще один недостаток модели Оппенхюйса в том, что она, по сути, основана на однонаправленной, хотя и не однолинейной зависимости. Между тем, как показывает практика, нередко налицо инверсная взаимообусловленность факторов электорального поведения, воздействие факторов одного уровня друг на друга. Так, например, партийные привязанности могут влиять на оценку избирателями кандидата или партии, и наоборот: оценка кандидата может отражаться на формировании партийных предпочтений.

В этой связи представляется целесообразным обратиться к опыту построения нерекурсивных моделей, предполагающих инверсную зависимость факторов и “обратное раскручивание” “воронки” [3](#). Но применение нерекурсивных моделей сопряжено с некоторыми методологическими сложностями. Самая важная из них — выявление направленности процесса формирования электорального выбора, определение последовательности факторов. Без решения указанной проблемы исследователь вынужден бродить по замкнутому кругу, утверждая, что фактор А зависит от фактора Б, а фактор Б зависит от фактора А — и так до бесконечности, но при этом все выделенные факторы каким-то непостижимым образом влияют на голосование.

Данная проблема может быть разрешена двумя способами. Первый заключается в поиске экзогенных переменных, которые непосредственно влияют только на один из взаимозависимых факторов модели. Вычленение таких переменных способно разорвать замкнутый круг. Второй — в построении математической модели, сочетающей принципы регрессионного и пат-анализа. Регрессионный анализ позволяет увязать в едином уравнении все факторы, воздействующие на выбор избирателей, и показать, насколько каждый из них отражается на результате голосования. Более того, он дает возможность проследить влияние независимых переменных друг от друга и определить силу этого влияния. Однако он чреват упрощением реальной ситуации, ибо, как демонстрирует все та же “воронка причинности”, факторы могут находиться в непосредственной взаимосвязи между собой. Поэтому регрессионный анализ целесообразно дополнить пат-анализом, который выстраивает логическую цепочку прямых и косвенных воздействий одних переменных на другие, описываемую с помощью нескольких структурных уравнений.

Принимая во внимание все высказанные выше соображения, мы попытались сконструировать модель “воронки причинности”, применимую для анализа российских реалий [см. Мелешкина, Анохина 2001/2002] [4](#). Несмотря на заведомую контекстную ограниченность подобной модели, мы постарались сохранить универсальную логику построения “воронки”, заключающуюся в едином масштабе факторов, расположенных на одном уровне, и его сужении по мере приближения к центру: от обобщенных показателей, характеризующих большие общности и систему координат, до индивидуальных, формирующихся под влиянием сугубо персональных психологических особенностей. Позволим себе в данном случае опустить описание самого процесса конструирования и остановиться лишь на его результате.

Первый, базовый уровень нашей “воронки” охватывает показатели, отражающие специфику страны в целом. Применительно к российским реалиям такими “базовыми” факторами будут социальные размежевания, политические традиции, особенности переходного периода, институциональный дизайн. Эти переменные влияют на следующий уровень “воронки”, где располагаются политические ценности и ориентации, позиции избирателей по отдельным проблемам. Третий уровень включает в себя ретроспективную и перспективную оценки конкретных политических сил и кандидатов, участвующих в выборах. И, наконец, на нижнем уровне находятся факторы, непосредственно воздействующие на голосование: установки по отношению к конкретным кандидатам и политическим партиям (намерение голосовать “за” или “против”).

Как уже говорилось, в “классической” модели “воронки причинности” центральным фактором выступала партийная идентификация. Основываясь на результатах наших исследований, мы исключили из модели эту переменную, а также заменяющую ее в ряде работ идеологическую идентификацию как не релевантные для российских условий [подробнее см. Анохина, Мелешкина 2002].

Исходя из специфики нынешнего этапа политической эволюции России, мы исключили из “воронки” и такой фактор, как оценка избирателями различных политических курсов. Особенность российских выборов заключается в том, что на них конкурируют политики, а не политические курсы [Ильин 1999]. Кроме того, позиции участников политического соревнования, в т.ч. инкубентов, чаще всего крайне неопределенны, что также свидетельствует о необходимости вынесения данного фактора за рамки модели.

Выделенные группы “эндогенных” для “воронки” факторов находятся в динамическом взаимодействии друг с другом, что обуславливает нерекурсивный характер конструируемой модели. Воздействие политических ценностей и ориентаций на оценку деятельности “партии власти”, президента, возможностей отдельных политических сил и т.д. абсолютно очевидно и не нуждается в дополнительном обосновании. Несколько сложнее обстоит дело с обратной зависимостью. Однако и в этом случае можно установить наличие взаимосвязей. Так, по оценкам некоторых исследователей, в посткоммунистических странах, в отличие от стран стабильной демократии, изменения в экономике влияют на формирование политических предпочтений опосредованно. Своеобразным фильтром здесь выступают установки по отношению к институциональным проблемам, связанным с демократизацией и экономической либерализацией. Неудовлетворенность экономической ситуацией может привести избирателей к разочарованию в рыночных и демократических институтах и заставить голосовать за партии, занимающие антидемократические и антирыночные позиции [см., напр. Duch 1998].

При конструировании модели следует учитывать роль ряда экзогенных для “воронки” обстоятельств, таких как деятельность СМИ, характер ведения избирательной кампании, влияние друзей, знакомых, экономическая и политическая конъюнктура [5](#). Не оказывая определяющего влияния на выбор избирателя, они могут служить своего рода “возмущающими” импульсами в краткосрочной перспективе.

Учитывая все вышесказанное, можно построить следующую модель “воронки причинности”.

Рис 2.

Понятно, что данная модель отражает механизм накопления факторов электорального выбора в сугубо схематической форме. Она описывает процесс голосования “среднего избирателя” за абстрактную российскую партию или кандидата на абстрактных выборах. В связи с этим при использовании ее для анализа электорального поведения необходимо принимать во внимание ряд дополнительных обстоятельств. В частности, нужно учитывать:

— неравновесность факторов, детерминирующих электоральное поведение сторонников различных политических сил и кандидатов. В частности, у избирателей КПРФ может преобладать ретроспективная мотивация выбора, тогда как у приверженцев “Яблока” — перспективная или экспрессивная. Поэтому совокупности уравнений, объясняющих голосование “среднего” избирателя за различные политические партии и различных кандидатов, будут отличаться друг от друга и от предложенной схемы;

— неравновесность факторов голосования на парламентских и президентских выборах, а также по партийным спискам и в одномандатных округах;

— изменение совокупности факторов с течением времени (уменьшение значимости характерных для переходного периода “институциональных” расколов и т.д.), что снижает прогностические возможности модели;

— технические сложности, связанные с эмпирической проверкой модели. К сожалению, имеющиеся в распоряжении российских ученых данные социологических опросов и официальной статистики весьма разнородны, отрывочны и порой ненадежны, что не позволяет протестировать модель полностью. Вследствие этого исследователям приходится ограничиваться либо проверкой ее конкретных положений (например, измерением “веса” отдельных факторов), либо выводами на основе косвенных свидетельств.

Адекватная операционализация ключевых факторов, представленных в модели, и получение релевантных эмпирических данных — необходимое условие плодотворного использования “воронки причинности” для анализа поведения российских избирателей.

Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. 2002. Итоги голосования и электоральное поведение. — Гельман В.Я.,

Голосов Г.В., Мелешкина Е.Ю. (ред.) Второй электоральный цикл в России. М.

Ильин М.В. 1999. Альтернативы политического и социально-экономического развития России в контексте выборов. — Політична думка, № 3.

Мелешкина Е.Ю. 2001. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения. — Зарубежная политология в XX столетии. М.

Мелешкина Е.Ю., Анохина Н.В. 2001/2002. Использование “воронки причинности” для анализа поведения российских избирателей. — Политика, № 4.

Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D. 1960. The American Voter. N.Y.

Colton T. 2000. Transitional Citizens: Voters and What Influence them in New Russia. Cambridge, L.

Duch R.M. 1998. The Electoral Connection and Democratic Consolidation. — Electoral Studies, vol. 17.

Franklin M.N. 1985. The Decline of Class Voting. Oxford.

Jackson J. 1975. Issues, Party Choices and Presidential Votes. — American Journal of Political Science, vol. 19.

Markus G., Converse P. 1979 A Dynamic Simultaneous Equation Model of Electoral Choice. — American Political Science Review, vol. 73.

Oppenhuis E. 1995. Voting Behavior in Europe: A Comparative Analysis of Electoral Participation and Party Choice. Amsterdam.

Page B.I., Jones C.C. Reciprocal Effects of Policy Preferences, Party Loyalties and the Vote. — American Political Science Review, vol. 73.

Предполагается, что рубрика “Лаборатория” будет появляться в журнале через 1-2 номера. Наш первый опыт мы посвятили “воронке причинности”. Само это выражение впервые было использовано в 1960 г. в книге “Американский избиратель” [Campbell et al.] — одном из классических трудов так наз. Мичиганской школы. Метафора “воронки” позволила американским политологам создать операционную схему для анализа причин того или иного исхода голосования с учетом целого набора разномасштабных факторов.

Конечно, само по себе ранжирование разнообразных факторов по их масштабности и глубине (близости или отдаленности) воздействия возможно и в иных когнитивных схемах, с использованием иных метафор. Следует различать многофакторную и многослойную концептуализацию причинности и операционные модели такой причинности, которые могут быть построены как в виде “воронки”, так и иначе. Кроме того, выявленная в когнитивной схеме “воронки” логика каузальности может интерпретироваться посредством иных схем, например, древа Порфирия с обратным движением от ветвей к корню, динамически развернутого логического квадрата по типу чичеринской тетрады и т.п. Вместе с тем допустимо и обратное — интерпретация различных причинных зависимостей в терминах “воронки причинности”.

Еще в 1950-е годы, т.е. до создания модели “воронки причинности”, некоторые политологи-международники (К.Уолтц, Д.Сингер) стали выделять уровни и масштабы анализа международных отношений. В дальнейшем исследования логической связи событий в международной жизни строились с учетом таких уровней, но без прямого обращения к инструментальной модели мичиганских политологов. В данной связи можно упомянуть трехуровневые модели суверенитета [Holm, Sorensen 1995] и глобальной управляемости [Rosenau 1990, 1997], а также подобные им построения. Лишь на рубеже веков выработанные в результате инструменты анализа оказались связаны с конфигурацией “воронки” [Kegley, Wittkopf 2001].

По-иному развивался научный поиск в области так наз. полиси-анализа [6](#), где мичиганская модель вполне сознательно использовалась для описания процесса формирования политического курса (policy). Начиная с 1970-х годов была создана целая серия работ, где применялись различные версии “воронки причинности”

для выявления факторов, детерминирующих принятие решений и оказывающих воздействие на формирование политических курсов [Hofferbert 1974; Leichter 1979; Lundquist 1980; Mazmanian, Sabatier 1980; Hofferbert, Urice 1985; Sabatier, Pelkey 1987; Sabatier, Hunter 1989; Sabatier 1991; Leichter 1992].

В активно обновлявшейся в 1950-е — 1960-е годы сравнительной политологии тоже шли поиски новых методов изучения политических изменений [Ильин 2001; Ильин, Сморгунов 2001; Сморгунов 2002]. Наиболее впечатляющие результаты дал так наз. Стэнфордский проект. В опубликованной по итогам этого проекта работе коллектива компаративистов (к сожалению, почти неизвестной, судя по отсутствию ссылок, в нашей стране) [Almond et al.] была предпринята попытка интегрировать теоретико-методологические подходы четырех “каузальных теорий”: системного функционализма, социальной мобилизации, рационального выбора и лидерства. При этом выстраивалась последовательность использования в одном исследовании названных методологий и осуществлялась отвечающая данной последовательности смена различных аспектов действительности. Соответственно, выделялись четыре особых предмета исследования: задаваемые общими параметрами исходной системы проблемы развития; складывание масштабных сил политического действия; альтернативные курсы с их политической логикой и конкретные решения, связанные с выбором курсов или нахождением компромиссов. Сформированная в результате программа исследования была куда сложнее мичиганской версии “воронки причинности”. Однако общие принципы были не просто сходны, но и предполагали по сути общее видение причинности. На этот момент обратили внимание Дж.Мэхони и Р.Снайдер [Mahony, Snyder 2000: 202-205], которые уже несколько лет пытаются использовать модель “воронки причинности” для решения ряда методологических проблем, в первую очередь проблемы соотношения структуры и деятельности (structure and agency) [Mahony, Snyder 1995].

Другой важный пример каузального анализа, отвечающего “логике воронки причинности”, Мэхони и Снайдер усматривают в работах, собранных Х.Линцем и А.Степаном в сборнике о падении демократических режимов [Linz, Stepan 1978], и прежде всего в статье самого Степана [Stepan 1978]. Тем не менее в транзитологии, как и в международных исследованиях, соответствующим построениям стали придавать конфигурацию “воронки” только к концу века.

Усилия Мэхони и Снайдера, а также присоединившегося к ним норвежского компаративиста С.Ларсена способствовали тому, что возможности модели “воронки причинности” начали обсуждаться среди политологов — сначала на организованных при участии “Полиса” в Москве (июнь 1996 г.) и в Вене (ноябрь 1996 г.) конференциях “Вызовы теории”, затем на семинарах в Институте сравнительной политологии Бергенского университета и в МГИМО [Проблемный семинар]. В ходе дискуссий стали формироваться российская и норвежская “школы” применения данной модели. Результаты научного поиска этих “школ” частично опубликованы [Анохина, Мелешкина 2002; Лебедева 2000; Мелешкина 2000, 2001; Мелешкина, Анохина 2001/2002; Мельвиль 1997, 1998, 1999a, 1999b; Мельвиль, Сергеев 2002; Altermark 1998, 2000; Larsen 2000; Meleshkina 1999; Melville 2000], однако в целом они недостаточно известны коллегам. В силу этого редакция считает целесообразным привлечь внимание читателей к указанной проблематике и предлагает им включиться в разработку новых моделей причинности.

Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. 2002. Итоги голосования и электоральное поведение. — Гельман В.Я., Голосов Г.В., Мелешкина Е.Ю. (ред.) Второй электоральный цикл в России. М.

Ильин М.В. 2001. Научная компаративистика в системе научного знания. — Полис, № 4.

Ильин М.В., Сморгунов Л.В. 2001. Сравнительная политология. — Политическая наука, № 2.

Лебедева М.М. 2000. Межэтнические конфликты на рубеже веков: методологический аспект. — МЭиМО, № 5.

Мелешкина Е.Ю. 1999. Перспективы и ограничения политической реформы. — Полис, № 4.

Мелешкина Е.Ю. 2000. Российский избиратель: установки и выбор. — Гельман В.Я., Голосов Г.В., Мелешкина Е.Ю. (ред.) Первый электоральный цикл в России (1993 — 1996). М.

Мелешкина Е.Ю. 2001. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения. — Политическая наука, № 2.

Мелешкина Е.Ю., Анохина Н.В. 2001/2002. Использование “воронки причинности” для анализа поведения

российских избирателей. — Политика, № 4.

Мельвиль А.Ю. 1997. Демократический транзит в России — сущностная неопределенность процесса и его результата. — Космополис. Альманах 1997. М.

Мельвиль А.Ю. 1998. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам. — Полис, № 2.

Мельвиль А.Ю. 1999а. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.

Мельвиль А.Ю. 1999б. Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. М.

Мельвиль А.Ю., Сергеев В.М. 2002. От метафоры к объяснительной модели: “волны демократизации” и “воронка причинности”. — Ильин М.В. (ред.). Принципы и направления политических исследований (сборник материалов конференций и мероприятий, проведенных РАПН в 2001 г.). М.

Проблемный семинар МГИМО МИД РФ по внешним и внутренним факторам политических изменений. 1998. — Полис, № 5.

Сморгунов Л.В. 2002. Современная сравнительная политология. М.

Almond G., Flanagan S.C., Mundt R.J. (eds.). 1973. Crisis, Choice and Change. Historical Studies of Political Development. Boston.

Altermark N. 1998. Choosing the Possible: An Integrative Model for the Study of Transition to Democracy. Thesis. Institute of comparative Politics, University of Bergen.

Altermark N. 2000. The Russian Transition: An Integrative Approach. — Larsen S. (ed.) The Challenges of Theories on Democracy. Elaboration over new Trends in Transitology. Boulder, N.Y.

Hofferbert R. 1974. The Study of Public Policy. Indianapolis.

Hofferbert R., Urice J. 1985. Small Scale Policy: The Federal Stimulus versus Competing Explanations for State Funding of Arts. — APSA, vol. 29 (May).

Holm H.-H., Sorensen G. (eds.). 1995. Whose World Order? Uneven Globalization and the End of the Cold War. Boulder.

Kegley Ch., Wittkopf E. 2001. World Politics: Trend and Transformation. N.Y.

Larsen S. 2000. Challenges to Democratic Theory. — Larsen S. (ed.) The Challenges of Theories on Democracy. Elaboration over new Trends in Transitology. Boulder, N.Y.

Leichter H. 1979. A Comparative Approach to Policy Analysis. Cambridge.

Leichter H. 1992. Health Policy Reform in America. L.

Linz J., Stepan A. (eds.). 1978. The Breakdown of Democratic Regimes. Baltimore.

Lundquist L. 1980. The Hare and the Tortoise. Clean Air Policies in US and Sweden. Ann Arbor.

Mahony J., Snyder R. 1995. Rethinking Agency and Structure in the Study of Regime Change. Unpublished manuscript.

Mahony J., Snyder R. 2000. Integrative Strategies for the Study of Regime Change. — Larsen S. (ed.) The Challenges of Theories on Democracy. Elaboration over new Trends in Transitology. Boulder, N.Y.

Mazmanian D., Sabatier P. 1980. A Multivariate Model of Public Policy-Making. — APSA, 24 (Aug.)/

Meleshkina E. 1999. Russian Voter: Attitudes, Choice and Voice. — Gel'man V., Golosov G. (eds.) Elections in

Russia, 1993 — 1996. Analyses, Documents and Data. Berlin.

Melville A. 2000. Post-Communist Russia: Democratic Transitions and Transition Theories. — Larsen S. (ed.) The Challenges of Theories on Democracy. Elaboration over new Trends in Transitology. Boulder, N.Y.

Rosenau J.N. 1990. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. Princeton.

Rosenau J.N. 1997. Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge.

Sabatier P., Pelkey N. 1987. Incorporating Multiple Actors and Guidance Instruments into Models of Regulatory Policymaking. — Administration and Society, № 3.

Sabatier P., Hunter S. 1989. The Incorporation of Causal Perception into Models of Elite Belief Systems. — Western Political Quarterly, № 3.

Sabatier P. 1991. Public Policy: Toward Better Theories of the Policy Process. — Crotty W. (ed.) Comparative Politics, Policy, and International Relations. Evanston.

Stepan A. 1978. Political Leadership and Regime Breakdown: Brazil. — Linz J., Stepan A. (eds.) The Breakdown of Democratic Regimes. Baltimore.

М.В. Ильин

1 В книге “Американский избиратель” перечислены шесть “компонентов электорального решения” — это установки по отношению к: (1) кандидату-республиканцу; (2) кандидату-демократу; (3) внутристрановым проблемам; (4) международным проблемам; (5) групповым интересам и (6) правительственным партиям [Campbell et al. 1960].

2 На наш взгляд, введение некоторых показателей существенно снижает потенциал данной модели как универсального научного инструмента. Так, весьма проблематична ее адекватность при анализе поведения избирателей посткоммунистических стран.

3 Примеры использования нерекурсивной логики в моделях причинности см. Franklin 1985; Jackson 1975; Markus, Converse 1979; Page, Jones 1979 и др.

4 Справедливости ради следует отметить, что попытки использовать “воронку причинности” для анализа поведения российских избирателей предпринимались и раньше. В данной связи можно, в частности, сослаться на модель, разработанную Т.Колтоном [Colton, 2000]. Однако нерекурсивность этой модели и не вполне адекватный, с нашей точки зрения, отбор факторов сужают ее возможности как исследовательского инструмента.

5 Напомним, что эти факторы выделялись и авторами “классической” модели “воронки причинности” [Campbell et al. 1960].

6 Наименование данной субдисциплины выстроено по аналогии с утвердившимися или успешно утверждающимися в отечественной науке терминами контент-анализ, дискурс-анализ, интент-анализ и т.п.

Инструментарий политолога: “воронка причинности”

Лаборатория. Так мы назвали новую рубрику. Она будет включать статьи и материалы об исследовательском инструментарии, о приемах работы и методиках, которые заслуживают использования в повседневной работе политолога. Редакция надеется, что рубрика окажется полезной как для сложившихся исследователей, так и для тех, кто только осваивает политическую науку.

“ВОРОНКА ПРИЧИННОСТИ” В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е.Ю. Мелешкина

Мелешкина Елена Юрьевна, кандидат политических наук, доцент МГИМО (У), зав. отделом политической науки ИНИОН РАН.

Один из важнейших аспектов научного познания — разработка исследовательских инструментов, в т.ч. моделей различных явлений и процессов. Какими свойствами должны обладать подобные модели? Несмотря на предельное разнообразие мнений, существующих на этот счет в общественных науках, все они укладываются в рамки континуума, расположенного между двумя “полюсами”. Первым из указанных “полюсов” выступает позиция, согласно которой модель должна быть предельно универсальной и представлять собой идеальную конструкцию, образованную путем выделения наиболее типических черт обширного круга явлений и не имеющую прямых аналогов в реальной жизни. Deskриптивный потенциал такого рода моделей не слишком велик, зато возможности их использования для построения теорий, а также в сравнительных и проч. исследованиях весьма значительны. Другая крайность — отказ от моделей, “оторванных от реальности”, и создание конструкций на основе описания отдельных случаев. Их deskриптивный потенциал, вероятно, выше, однако использование для решения более широких научных задач довольно проблематично.

Осмелимся утверждать, что выбор между двумя позициями — это выбор между универсальностью и уникальностью. Применение моделей, базирующихся на предельных обобщениях, чревато искажением объекта исследования, игнорированием его специфики и т.п. Обращение к “описательным” конструкциям по сути равнозначно отказу от попыток обобщения, типологии и сравнения: удел ученого в данном случае — лишь констатировать неповторимость объекта. И та, и другая позиция в своих крайних вариантах фактически ведут к размыванию предмета изучения и утрате исследовательским процессом какого-либо научного смысла. Искусство ученого, вероятно, состоит в адекватном сочетании двух подходов, в умении найти ту “золотую середину”, которая позволяла бы разрабатывать теории и типологизировать, сравнивать и описывать. Одним из примеров поиска “такой середины”, т.е. модели, пригодной для решения всего спектра научных задач, является “воронка причинности”.

Модель “воронки причинности” была впервые предложена исследователями Мичиганского университета в монографии “Американский избиратель” [Campbell et al. 1960], ставшей своего рода классическим образцом социально-психологического подхода к интерпретации электорального поведения. С ее помощью авторы монографии пытались объяснить механизмы формирования электорального выбора и ту роль, которую играет в этом процессе партийная идентификация.

Названная модель была предназначена для отражения послойного накопления факторов, влияющих на голосование (см. Исходная модель). В самой широкой части “классической” “воронки причинности” располагаются социально-экономические и культурные условия, порождающие социально-политические противоречия: экономическая структура, социальная дифференциация, исторические традиции. Эти условия сказываются на структуре партийной системы, прямо не влияя на голосование. На следующем уровне находятся социально-групповая лояльность (классовая, региональная и т.п.) и ценностные ориентации,

формирующиеся под воздействием социально-экономических и культурных размежеваний. Наиболее узкую часть воронки занимают факторы, непосредственно отражающиеся на голосовании, — установки (attitudes) по отношению к трем составляющим политического процесса: кандидатам, политическим курсам и групповым “выгодам” (benefits)¹. Они оказывают относительно независимое влияние на электоральный выбор, особенно в краткосрочной перспективе. Вместе с тем “воронка причинности” предполагает, что сами эти установки складываются под воздействием ценностных ориентаций и групповой лояльности.

Центральное место среди совокупности факторов, представленных в “воронке причинности”, занимает партийная идентификация. Именно она опосредует влияние групповой лояльности и ценностных ориентаций на установки. Партийная идентификация играет роль фильтра, через который пропускается информация, относящаяся к кандидатам, политическим курсам и групповым “выгодам”. Как указывают создатели модели, “отношения между партийной идентификацией и конфигурацией установок приверженцев партии предполагают, что реакция на каждую составляющую национальных политических курсов в значительной степени зависит от длительных партийных предпочтений индивида” (Campbell et al. 1960: 128). Иными словами, ощущая себя условно коммунистом, избиратель склонен верить, что коммунистическая партия (кандидат, курс) лучше защищает интересы его социальной группы, нежели другие партии. В этом случае срабатывает партийная идентификация.

Авторы “классического” варианта “воронки причинности” признавали влияние и других, “внешних” для “воронки” факторов, таких как деятельность правительства, мнения друзей, СМИ, ход избирательной кампании, конкретные политические и экономические условия. Однако при этом они отмечали, что по сравнению с партийной идентификацией воздействие подобных факторов на процесс голосования обычно не столь значимо.

Классическая модель “воронки причинности” создавалась для объяснения поведения американского избирателя. Первые же попытки использовать ее применительно к условиям других стран выявили ряд проблем, отчетливо продемонстрировавших, что она не обладает важным качеством научного инструмента — универсальностью. Мировой исследовательский опыт со всей очевидностью показал, что на поведение избирателей влияет не только партийная идентификация, более того — в некоторых случаях ее воздействие не прослеживается вовсе. На электоральном выборе сказывается множество факторов, порой равновесных. Учесть все эти факторы в рамках социально-психологической и других традиционных моделей поведения избирателей крайне сложно, так как все эти модели базируются на выделении одного главного фактора (не отрицая, правда, влияния других).

Противоречие между потребностью в интеграции различных, порой равнозначных факторов и ограниченностью “классических” исследовательских подходов обусловили появление многофакторных объяснительных моделей [подробнее см. Мелешкина 2001]. Многие современные объяснительные конструкции включают в себя совокупность равновесных или близких по воздействию факторов: социально-экономические размежевания, партийную или идеологическую идентификацию, позиции избирателей по отдельным проблемам, ретроспективную оценку деятельности инкумбента и т.д. Некоторые из этих конструкций по сути воспроизводят “воронку причинности”, которая довольно быстро “переросла” социально-психологический подход: сама ее логика позволяла использовать ее при построении не только однофакторных, но и многофакторных моделей голосования.

В частности, такую многофакторную “воронку причинности” сконструировал Э.Оппенхюйс. В качестве независимых от электорального выбора показателей он выделяет такие долгосрочные факторы, как принадлежность к социальной или религиозной группе и положение на осях “левый — правый” и “материализм — постматериализм”. Идеологические позиции избирателей рассматриваются как независимые по отношению к голосованию переменные, хотя влияние на них социальных факторов не отрицается. Указанные позиции, в свою очередь, определяют краткосрочные факторы, которые непосредственно воздействуют на электоральные предпочтения: отношение избирателей к различным проблемам и оценка деятельности правительства. Еще одним фактором, выступающим в качестве независимой переменной, является размер партии (см. рис. 1).

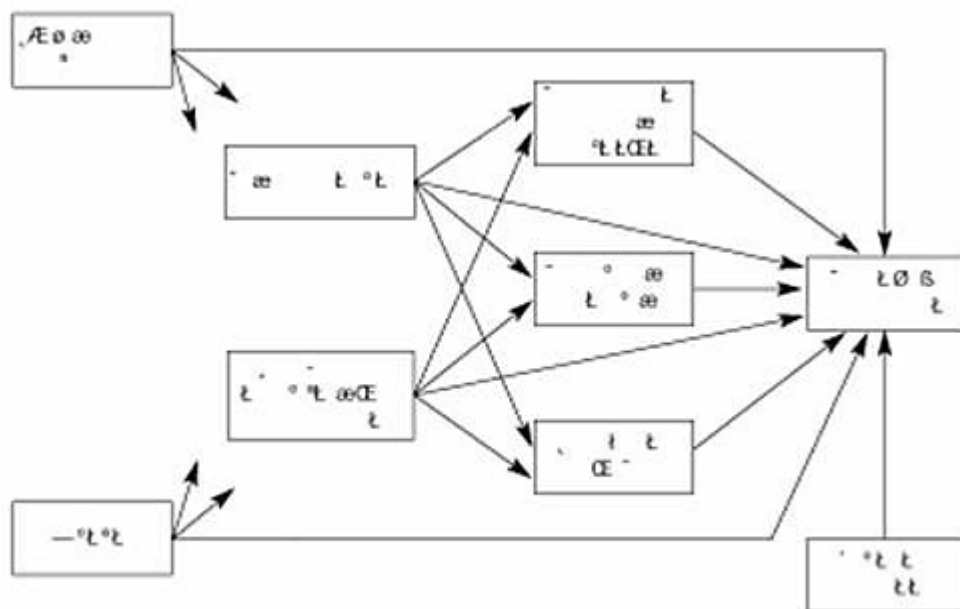

Рис. 1.

Таким образом, согласно модели Оппенхюйса, на электоральный выбор (непосредственно и опосредованно) влияют: социальные и религиозные размежевания, позиции избирателей по отдельным проблемам, оценка деятельности правительства и размер партии. По мнению создателя модели, “многофакторный анализ... ясно демонстрирует возможность интеграции различных факторов, выделенных в рамках разных теоретических традиций, в единую модель, объясняющую партийные предпочтения во всех странах Европейского сообщества... Такая интегральная модель позволяет лучше понять партийные предпочтения, так как объяснительная возможность многофакторного анализа значительно выше... [чем у] анализа с использованием одного фактора” [Oppenhuis 1995: 147].

С приведенными доводами трудно не согласиться. Оппенхюйсовская версия “воронки причинности”, пожалуй впервые за всю историю исследования электорального поведения, действительно может претендовать на универсальность: в ней в целом выдерживается логика “воронки” (сужение масштабов факторов по мере приближения к результату) и учитываются современные достижения в области электоральных исследований (многофакторность).

Вместе с тем, как нам кажется, предложенная конструкция тоже не лишена изъянов. Первый из них состоит в том, что она, как и классический вариант, имеет контекстный характер (объясняет поведение избирателей преимущественно в странах Западной Европы). Кроме того, вызывает сомнения принцип отбора используемых в модели факторов, в частности, игнорирование одних показателей (например, оценки кандидатов) и возведение в абсолют других (таких, как размер партии или положение на осях “левый — правый”, “материализм — постматериализм” [2](#)), а также последовательность их расположения при построении “воронки”.

Еще один недостаток модели Оппенхюйса в том, что она, по сути, основана на однонаправленной, хотя и не однолинейной зависимости. Между тем, как показывает практика, нередко налицо инверсная взаимообусловленность факторов электорального поведения, воздействие факторов одного уровня друг на друга. Так, например, партийные привязанности могут влиять на оценку избирателями кандидата или партии, и наоборот: оценка кандидата может отражаться на формировании партийных предпочтений.

В этой связи представляется целесообразным обратиться к опыту построения нерекурсивных моделей, предполагающих инверсную зависимость факторов и “обратное раскручивание” “воронки” [3](#). Но применение нерекурсивных моделей сопряжено с некоторыми методологическими сложностями. Самая важная из них — выявление направленности процесса формирования электорального выбора, определение последовательности факторов. Без решения указанной проблемы исследователь вынужден бродить по замкнутому кругу, утверждая, что фактор А зависит от фактора Б, а фактор Б зависит от фактора А — и так до бесконечности, но при этом все выделенные факторы каким-то непостижимым образом влияют на голосование.

Данная проблема может быть разрешена двумя способами. Первый заключается в поиске экзогенных переменных, которые непосредственно влияют только на один из взаимозависимых факторов модели. Вычленение таких переменных способно разорвать замкнутый круг. Второй — в построении математической модели, сочетающей принципы регрессионного и пат-анализа. Регрессионный анализ позволяет увязать в едином уравнении все факторы, воздействующие на выбор избирателей, и показать, насколько каждый из них отражается на результате голосования. Более того, он дает возможность проследить влияние независимых переменных друг от друга и определить силу этого влияния. Однако он чреват упрощением реальной ситуации, ибо, как демонстрирует все та же “воронка причинности”, факторы могут находиться в непосредственной взаимосвязи между собой. Поэтому регрессионный анализ целесообразно дополнить пат-анализом, который выстраивает логическую цепочку прямых и косвенных воздействий одних переменных на другие, описываемую с помощью нескольких структурных уравнений.

Принимая во внимание все высказанные выше соображения, мы попытались сконструировать модель “воронки причинности”, применимую для анализа российских реалий [см. Мелешкина, Анохина 2001/2002] [4](#). Несмотря на заведомую контекстную ограниченность подобной модели, мы постарались сохранить универсальную логику построения “воронки”, заключающуюся в едином масштабе факторов, расположенных на одном уровне, и его сужении по мере приближения к центру: от обобщенных показателей, характеризующих большие общности и систему координат, до индивидуальных, формирующихся под влиянием сугубо персональных психологических особенностей. Позволим себе в данном случае опустить описание самого процесса конструирования и остановиться лишь на его результате.

Первый, базовый уровень нашей “воронки” охватывает показатели, отражающие специфику страны в целом. Применительно к российским реалиям такими “базовыми” факторами будут социальные размежевания, политические традиции, особенности переходного периода, институциональный дизайн. Эти переменные влияют на следующий уровень “воронки”, где располагаются политические ценности и ориентации, позиции избирателей по отдельным проблемам. Третий уровень включает в себя ретроспективную и перспективную оценки конкретных политических сил и кандидатов, участвующих в выборах. И, наконец, на нижнем уровне находятся факторы, непосредственно воздействующие на голосование: установки по отношению к конкретным кандидатам и политическим партиям (намерение голосовать “за” или “против”).

Как уже говорилось, в “классической” модели “воронки причинности” центральным фактором выступала партийная идентификация. Основываясь на результатах наших исследований, мы исключили из модели эту переменную, а также заменяющую ее в ряде работ идеологическую идентификацию как не релевантные для российских условий [подробнее см. Анохина, Мелешкина 2002].

Исходя из специфики нынешнего этапа политической эволюции России, мы исключили из “воронки” и такой фактор, как оценка избирателями различных политических курсов. Особенность российских выборов заключается в том, что на них конкурируют политики, а не политические курсы [Ильин 1999]. Кроме того, позиции участников политического соревнования, в т.ч. инкубентов, чаще всего крайне неопределенны, что также свидетельствует о необходимости вынесения данного фактора за рамки модели.

Выделенные группы “эндогенных” для “воронки” факторов находятся в динамическом взаимодействии друг с другом, что обуславливает нерекурсивный характер конструируемой модели. Воздействие политических ценностей и ориентаций на оценку деятельности “партии власти”, президента, возможностей отдельных политических сил и т.д. абсолютно очевидно и не нуждается в дополнительном обосновании. Несколько сложнее обстоит дело с обратной зависимостью. Однако и в этом случае можно установить наличие взаимосвязей. Так, по оценкам некоторых исследователей, в посткоммунистических странах, в отличие от стран стабильной демократии, изменения в экономике влияют на формирование политических предпочтений опосредованно. Своеобразным фильтром здесь выступают установки по отношению к институциональным проблемам, связанным с демократизацией и экономической либерализацией. Неудовлетворенность экономической ситуацией может привести избирателей к разочарованию в рыночных и демократических институтах и заставить голосовать за партии, занимающие антидемократические и антирыночные позиции [см., напр. Duch 1998].

При конструировании модели следует учитывать роль ряда экзогенных для “воронки” обстоятельств, таких как деятельность СМИ, характер ведения избирательной кампании, влияние друзей, знакомых, экономическая и политическая конъюнктура [5](#). Не оказывая определяющего влияния на выбор избирателя, они могут служить своего рода “возмущающими” импульсами в краткосрочной перспективе.

Учитывая все вышесказанное, можно построить следующую модель “воронки причинности”.

Рис 2.

Понятно, что данная модель отражает механизм накопления факторов электорального выбора в сугубо схематической форме. Она описывает процесс голосования “среднего избирателя” за абстрактную российскую партию или кандидата на абстрактных выборах. В связи с этим при использовании ее для анализа электорального поведения необходимо принимать во внимание ряд дополнительных обстоятельств. В частности, нужно учитывать:

— неравносность факторов, детерминирующих электоральное поведение сторонников различных политических сил и кандидатов. В частности, у избирателей КПРФ может преобладать ретроспективная мотивация выбора, тогда как у приверженцев “Яблока” — перспективная или экспрессивная. Поэтому совокупности уравнений, объясняющих голосование “среднего” избирателя за различные политические партии и различных кандидатов, будут отличаться друг от друга и от предложенной схемы;

— неравносность факторов голосования на парламентских и президентских выборах, а также по партийным спискам и в одномандатных округах;

— изменение совокупности факторов с течением времени (уменьшение значимости характерных для переходного периода “институциональных” расколов и т.д.), что снижает прогностические возможности модели;

— технические сложности, связанные с эмпирической проверкой модели. К сожалению, имеющиеся в распоряжении российских ученых данные социологических опросов и официальной статистики весьма разнородны, отрывочны и порой ненадежны, что не позволяет протестировать модель полностью. Вследствие этого исследователям приходится ограничиваться либо проверкой ее конкретных положений (например, измерением “веса” отдельных факторов), либо выводами на основе косвенных свидетельств.

Адекватная операционализация ключевых факторов, представленных в модели, и получение релевантных эмпирических данных — необходимое условие плодотворного использования “воронки причинности” для анализа поведения российских избирателей.

Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. 2002. Итоги голосования и электоральное поведение. — Гельман В.Я.,

Голосов Г.В., Мелешкина Е.Ю. (ред.) Второй электоральный цикл в России. М.

Ильин М.В. 1999. Альтернативы политического и социально-экономического развития России в контексте выборов. — Політична думка, № 3.

Мелешкина Е.Ю. 2001. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения. — Зарубежная политология в XX столетии. М.

Мелешкина Е.Ю., Анохина Н.В. 2001/2002. Использование “воронки причинности” для анализа поведения российских избирателей. — Политика, № 4.

Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D. 1960. The American Voter. N.Y.

Colton T. 2000. Transitional Citizens: Voters and What Influence them in New Russia. Cambridge, L.

Duch R.M. 1998. The Electoral Connection and Democratic Consolidation. — Electoral Studies, vol. 17.

Franklin M.N. 1985. The Decline of Class Voting. Oxford.

Jackson J. 1975. Issues, Party Choices and Presidential Votes. — American Journal of Political Science, vol. 19.

Markus G., Converse P. 1979 A Dynamic Simultaneous Equation Model of Electoral Choice. — American Political Science Review, vol. 73.

Oppenhuis E. 1995. Voting Behavior in Europe: A Comparative Analysis of Electoral Participation and Party Choice. Amsterdam.

Page B.I., Jones C.C. Reciprocal Effects of Policy Preferences, Party Loyalties and the Vote. — American Political Science Review, vol. 73.

Предполагается, что рубрика “Лаборатория” будет появляться в журнале через 1-2 номера. Наш первый опыт мы посвятили “воронке причинности”. Само это выражение впервые было использовано в 1960 г. в книге “Американский избиратель” [Campbell et al.] — одном из классических трудов так наз. Мичиганской школы. Метафора “воронки” позволила американским политологам создать операционную схему для анализа причин того или иного исхода голосования с учетом целого набора разномасштабных факторов.

Конечно, само по себе ранжирование разнообразных факторов по их масштабности и глубине (близости или отдаленности) воздействия возможно и в иных когнитивных схемах, с использованием иных метафор. Следует различать многофакторную и многослойную концептуализацию причинности и операционные модели такой причинности, которые могут быть построены как в виде “воронки”, так и иначе. Кроме того, выявленная в когнитивной схеме “воронки” логика каузальности может интерпретироваться посредством иных схем, например, древа Порфирия с обратным движением от ветвей к корню, динамически развернутого логического квадрата по типу чичеринской тетрады и т.п. Вместе с тем допустимо и обратное — интерпретация различных причинных зависимостей в терминах “воронки причинности”.

Еще в 1950-е годы, т.е. до создания модели “воронки причинности”, некоторые политологи-международники (К.Уолтц, Д.Сингер) стали выделять уровни и масштабы анализа международных отношений. В дальнейшем исследования логической связи событий в международной жизни строились с учетом таких уровней, но без прямого обращения к инструментальной модели мичиганских политологов. В данной связи можно упомянуть трехуровневые модели суверенитета [Holm, Sorensen 1995] и глобальной управляемости [Rosenau 1990, 1997], а также подобные им построения. Лишь на рубеже веков выработанные в результате инструменты анализа оказались связаны с конфигурацией “воронки” [Kegley, Wittkopf 2001].

По-иному развивался научный поиск в области так наз. полиси-анализа [6](#), где мичиганская модель вполне сознательно использовалась для описания процесса формирования политического курса (policy). Начиная с 1970-х годов была создана целая серия работ, где применялись различные версии “воронки причинности”

для выявления факторов, детерминирующих принятие решений и оказывающих воздействие на формирование политических курсов [Hofferbert 1974; Leichter 1979; Lundquist 1980; Mazmanian, Sabatier 1980; Hofferbert, Urice 1985; Sabatier, Pelkey 1987; Sabatier, Hunter 1989; Sabatier 1991; Leichter 1992].

В активно обновлявшейся в 1950-е — 1960-е годы сравнительной политологии тоже шли поиски новых методов изучения политических изменений [Ильин 2001; Ильин, Сморгунов 2001; Сморгунов 2002]. Наиболее впечатляющие результаты дал так наз. Стэнфордский проект. В опубликованной по итогам этого проекта работе коллектива компаративистов (к сожалению, почти неизвестной, судя по отсутствию ссылок, в нашей стране) [Almond et al.] была предпринята попытка интегрировать теоретико-методологические подходы четырех “каузальных теорий”: системного функционализма, социальной мобилизации, рационального выбора и лидерства. При этом выстраивалась последовательность использования в одном исследовании названных методологий и осуществлялась отвечающая данной последовательности смена различных аспектов действительности. Соответственно, выделялись четыре особых предмета исследования: задаваемые общими параметрами исходной системы проблемы развития; складывание масштабных сил политического действия; альтернативные курсы с их политической логикой и конкретные решения, связанные с выбором курсов или нахождением компромиссов. Сформированная в результате программа исследования была куда сложнее мичиганской версии “воронки причинности”. Однако общие принципы были не просто сходны, но и предполагали по сути общее видение причинности. На этот момент обратили внимание Дж.Мэхони и Р.Снайдер [Mahony, Snyder 2000: 202-205], которые уже несколько лет пытаются использовать модель “воронки причинности” для решения ряда методологических проблем, в первую очередь проблемы соотношения структуры и деятельности (structure and agency) [Mahony, Snyder 1995].

Другой важный пример каузального анализа, отвечающего “логике воронки причинности”, Мэхони и Снайдер усматривают в работах, собранных Х.Линцем и А.Степаном в сборнике о падении демократических режимов [Linz, Stepan 1978], и прежде всего в статье самого Степана [Stepan 1978]. Тем не менее в транзитологии, как и в международных исследованиях, соответствующим построениям стали придавать конфигурацию “воронки” только к концу века.

Усилия Мэхони и Снайдера, а также присоединившегося к ним норвежского компаративиста С.Ларсена способствовали тому, что возможности модели “воронки причинности” начали обсуждаться среди политологов — сначала на организованных при участии “Полиса” в Москве (июнь 1996 г.) и в Вене (ноябрь 1996 г.) конференциях “Вызовы теории”, затем на семинарах в Институте сравнительной политологии Бергенского университета и в МГИМО [Проблемный семинар]. В ходе дискуссий стали формироваться российская и норвежская “школы” применения данной модели. Результаты научного поиска этих “школ” частично опубликованы [Анохина, Мелешкина 2002; Лебедева 2000; Мелешкина 2000, 2001; Мелешкина, Анохина 2001/2002; Мельвиль 1997, 1998, 1999a, 1999b; Мельвиль, Сергеев 2002; Altermark 1998, 2000; Larsen 2000; Meleshkina 1999; Melville 2000], однако в целом они недостаточно известны коллегам. В силу этого редакция считает целесообразным привлечь внимание читателей к указанной проблематике и предлагает им включиться в разработку новых моделей причинности.

Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. 2002. Итоги голосования и электоральное поведение. — Гельман В.Я., Голосов Г.В., Мелешкина Е.Ю. (ред.) Второй электоральный цикл в России. М.

Ильин М.В. 2001. Научная компаративистика в системе научного знания. — Полис, № 4.

Ильин М.В., Сморгунов Л.В. 2001. Сравнительная политология. — Политическая наука, № 2.

Лебедева М.М. 2000. Межэтнические конфликты на рубеже веков: методологический аспект. — МЭиМО, № 5.

Мелешкина Е.Ю. 1999. Перспективы и ограничения политической реформы. — Полис, № 4.

Мелешкина Е.Ю. 2000. Российский избиратель: установки и выбор. — Гельман В.Я., Голосов Г.В., Мелешкина Е.Ю. (ред.) Первый электоральный цикл в России (1993 — 1996). М.

Мелешкина Е.Ю. 2001. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения. — Политическая наука, № 2.

Мелешкина Е.Ю., Анохина Н.В. 2001/2002. Использование “воронки причинности” для анализа поведения

российских избирателей. — Политика, № 4.

Мельвиль А.Ю. 1997. Демократический транзит в России — сущностная неопределенность процесса и его результата. — Космополис. Альманах 1997. М.

Мельвиль А.Ю. 1998. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам. — Полис, № 2.

Мельвиль А.Ю. 1999а. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.

Мельвиль А.Ю. 1999б. Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. М.

Мельвиль А.Ю., Сергеев В.М. 2002. От метафоры к объяснительной модели: “волны демократизации” и “воронка причинности”. — Ильин М.В. (ред.). Принципы и направления политических исследований (сборник материалов конференций и мероприятий, проведенных РАПН в 2001 г.). М.

Проблемный семинар МГИМО МИД РФ по внешним и внутренним факторам политических изменений. 1998. — Полис, № 5.

Сморгунов Л.В. 2002. Современная сравнительная политология. М.

Almond G., Flanagan S.C., Mundt R.J. (eds.). 1973. Crisis, Choice and Change. Historical Studies of Political Development. Boston.

Altermark N. 1998. Choosing the Possible: An Integrative Model for the Study of Transition to Democracy. Thesis. Institute of comparative Politics, University of Bergen.

Altermark N. 2000. The Russian Transition: An Integrative Approach. — Larsen S. (ed.) The Challenges of Theories on Democracy. Elaboration over new Trends in Transitology. Boulder, N.Y.

Hofferbert R. 1974. The Study of Public Policy. Indianapolis.

Hofferbert R., Urice J. 1985. Small Scale Policy: The Federal Stimulus versus Competing Explanations for State Funding of Arts. — APSA, vol. 29 (May).

Holm H.-H., Sorensen G. (eds.). 1995. Whose World Order? Uneven Globalization and the End of the Cold War. Boulder.

Kegley Ch., Wittkopf E. 2001. World Politics: Trend and Transformation. N.Y.

Larsen S. 2000. Challenges to Democratic Theory. — Larsen S. (ed.) The Challenges of Theories on Democracy. Elaboration over new Trends in Transitology. Boulder, N.Y.

Leichter H. 1979. A Comparative Approach to Policy Analysis. Cambridge.

Leichter H. 1992. Health Policy Reform in America. L.

Linz J., Stepan A. (eds.). 1978. The Breakdown of Democratic Regimes. Baltimore.

Lundquist L. 1980. The Hare and the Tortoise. Clean Air Policies in US and Sweden. Ann Arbor.

Mahony J., Snyder R. 1995. Rethinking Agency and Structure in the Study of Regime Change. Unpublished manuscript.

Mahony J., Snyder R. 2000. Integrative Strategies for the Study of Regime Change. — Larsen S. (ed.) The Challenges of Theories on Democracy. Elaboration over new Trends in Transitology. Boulder, N.Y.

Mazmanian D., Sabatier P. 1980. A Multivariate Model of Public Policy-Making. — APSA, 24 (Aug.)/

Meleshkina E. 1999. Russian Voter: Attitudes, Choice and Voice. — Gel'man V., Golosov G. (eds.) Elections in

Russia, 1993 — 1996. Analyses, Documents and Data. Berlin.

Melville A. 2000. Post-Communist Russia: Democratic Transitions and Transition Theories. — Larsen S. (ed.) The Challenges of Theories on Democracy. Elaboration over new Trends in Transitology. Boulder, N.Y.

Rosenau J.N. 1990. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. Princeton.

Rosenau J.N. 1997. Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge.

Sabatier P., Pelkey N. 1987. Incorporating Multiple Actors and Guidance Instruments into Models of Regulatory Policymaking. — Administration and Society, № 3.

Sabatier P., Hunter S. 1989. The Incorporation of Causal Perception into Models of Elite Belief Systems. — Western Political Quarterly, № 3.

Sabatier P. 1991. Public Policy: Toward Better Theories of the Policy Process. — Crotty W. (ed.) Comparative Politics, Policy, and International Relations. Evanston.

Stepan A. 1978. Political Leadership and Regime Breakdown: Brazil. — Linz J., Stepan A. (eds.) The Breakdown of Democratic Regimes. Baltimore.

М.В. Ильин

1 В книге “Американский избиратель” перечислены шесть “компонентов электорального решения” — это установки по отношению к: (1) кандидату-республиканцу; (2) кандидату-демократу; (3) внутристрановым проблемам; (4) международным проблемам; (5) групповым интересам и (6) правительственным партиям [Campbell et al. 1960].

2 На наш взгляд, введение некоторых показателей существенно снижает потенциал данной модели как универсального научного инструмента. Так, весьма проблематична ее адекватность при анализе поведения избирателей посткоммунистических стран.

3 Примеры использования нерекурсивной логики в моделях причинности см. Franklin 1985; Jackson 1975; Markus, Converse 1979; Page, Jones 1979 и др.

4 Справедливости ради следует отметить, что попытки использовать “воронку причинности” для анализа поведения российских избирателей предпринимались и раньше. В данной связи можно, в частности, сослаться на модель, разработанную Т.Колтоном [Colton, 2000]. Однако нерекурсивность этой модели и не вполне адекватный, с нашей точки зрения, отбор факторов сужают ее возможности как исследовательского инструмента.

5 Напомним, что эти факторы выделялись и авторами “классической” модели “воронки причинности” [Campbell et al. 1960].

6 Наименование данной субдисциплины выстроено по аналогии с утвердившимися или успешно утверждающимися в отечественной науке терминами контент-анализ, дискурс-анализ, интент-анализ и т.п.